

Семен Венгеров

**Иван Иванович
Лажечников**

Семен Венгеров

Иван Иванович Лажечников

«Public Domain»

1913

Венгеров С. А.

Иван Иванович Лажечников / С. А. Венгеров — «Public Domain»,
1913

«Ни одно столетие европейской истории не начиналось таким страстным и всеобщим подъемом национального чувства, как наше. В полную противоположность XVIII веку, всецело направленному на выработку общечеловеческих формул социальной и политической жизни, в полную противоположность его желанию отрешиться от всяких условий места и времени и только на основании требований сухой и абстрактной теории устроить государственный и общественный быт, наконец, в полную противоположность тому пренебрежению, с которым европейские народы XVIII века относились ко всему родному,— XIX столетие, наученное горьким опытом событий, выдвигает идею национального индивидуализма, требование национальной независимости, как в области политической, так и в области духовной, в сфере литературы и искусства...»

© Венгеров С. А., 1913

© Public Domain, 1913

Содержание

I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Семен Венгеров Иван Иванович Лажечников

Ни одно столетие европейской истории не начиналось таким страстным и всеобщим подъемом национального чувства, как наше¹. В полную противоположность XVIII веку, всецело направленному на выработку общечеловеческих формул социальной и политической жизни, в полную противоположность его желанию отрешиться от всяких условий места и времени и только на основании требований сухой и абстрактной теории устроить государственный и общественный быт, наконец, в полную противоположность тому пренебрежению, с которым европейские народы XVIII века относились ко всему родному, — XIX столетие, наученное горьким опытом событий, выдвигает идею национального индивидуализма, требование национальной независимости, как в области политической, так и в области духовной, в сфере литературы и искусства.

Одним из главных факторов этого резкого пробуждения патриотического духа европейских народов нельзя, конечно, не считать Наполеона. Своим необузданным стремлением превратить все страны Европы в французские провинции он пробудил чувство патриотизма даже у тех народов, у которых оно до того дремало. Те же самые немцы, которые еще двадцать лет тому назад старались по возможности меньше походить на немцев, те же самые русские бары, которые не умели порядочно говорить на родном языке, — теперь горят пламенным воодушевлением сбросить с себя иноземное иго во всех его проявлениях. Нарождается грандиознейшее политическое и умственное движение, которое делает XIX столетие, и в особенности первые три десятилетия его, веком пробуждения национального чувства *par excellence*. И оттого-то ни одно столетие не видало такого длинного и успешного ряда попыток национального освобождения, как наше, попыток, не всегда приводивших к самостоятельности политической, но зато всегда уже приводивших к самостоятельности духа, к самобытности литературной и художественной.

Нетрудно, однако же, понять, что условия, при которых возникло патриотическое движение начала нынешнего столетия, были такого рода, что идея национальности не могла сразу проявиться во всей своей чистоте. Сила вещей заставила ее иметь таких союзников, которые весьма мало соответствуют какому бы то ни было идейному движению. Если всецело, со всей глубиной гениального ума, со всем пылом благородного сердца, отдал себя патриотическому движению такой человек, как Фихте, то зато к нему же в огромном количестве пристали разные ловители рыбы в мутной воде, которые и не замедлили впоследствии обратить в свою пользу результаты патриотического возбуждения. Но не столько, впрочем, в этих ловителях, без которых не обходится ни одно массовое движение, сколько в том характере, который должен был вскоре принять патриотизм первых пятнадцати лет нынешнего столетия, лежит главная причина того, что патриотизм народов, ополчившихся на Наполеона, уклонился от пути, который вполне соответствовал бы высоте идеи. Дело именно в военном характере патриотического движения начала нынешнего столетия, характере, без сомнения, стихийно ему навязанном событиями, но тем не менее весьма невыгодно на него повлиявшем.

Огромна разница между побежденным народом и победившим. Как и всякий человек в несчастье более симпатичен, чем в счастье, когда он задирает голову и все готов принести в жертву своему тщеславию, так и целые народы в години народных бедствий несравненно более проявляют нравственных сил, чем в период удач, когда бахвальство и всякие дурные страсти выступают на первый план. Речь, конечно, идет об удачах военных. Удачи в области

¹ Настоящий очерк был написан С. А. Венгеровым к собранию сочинений И. И. Лажечникова, изданному Товариществом Вольфа в 1913 г.

наук и искусств еще никогда ни одного человека и ни один народ не портили. Но военные удачи фатально ведут к понижению нравственному, и всегда почти период счастливых внешних войн ведет за собой период реакции внутри страны.

Все это имело место и в начале нынешнего столетия. Одна из сильнейших реакций европейской истории наступила вслед за тем, когда патриотизм соединенных народов Европы сломил могущество «корсиканского злодея». Патриотизм, носивший такой резко-прогрессивный характер, когда дело шло об организации национального освобождения, быстро утратил его, когда побежденные превратились в победителей. Быстро взяли верх мутные элементы движения, нанесенные неразборчивым руслом исторической жизни, в своем стихийном течении так часто захватывающим людей и явления, крайне разнородные и друг с другом, в сущности, ничего общего не имеющие. Патриотизм, соединенный с желанием свободы, становится предметом гонений и преследований, а господство получает патриотизм, приспособленный к целям людей, живущих на счет всеобщего отупения, к целям Меттернихов, Аракчеевых, Руничей, Магницких.

Основная черта этого нового патриотизма заключается в славословии всего существующего и тех явлений прошлого, из которых возникли любезные сердцу Меттернихов явления настоящего. Смирение, смирение и еще раз смирение, подавление в себе всякой самостоятельной мысли становятся обязательным для всякого, кто не хочет прослыть карбонарием, кто не хочет рискнуть быть причисленным к тем «беспокойным» людям, которые полагали, что можно и даже должно с одинаковым жаром любить и родину, и свободу.

Так было в Европе, так же, в общих чертах, было у нас. Устанавливается особый, официальный патриотизм, основанный на полной покорности всему исходящему от мудрого начальства, на внешнем благочестии, на восхищении доблестями предков, тоже главным образом состоящими из смирения же. Разница между нашим ретроградным патриотизмом и европейским заключается только в том, что число, «беспокойных» было у нас не особенно велико, с ними легче было справиться и потому озлобления было меньше, чем в других странах Европы. Огромное большинство русского «общества» десятых, двадцатых и тридцатых годов состояло из чиновников, прочно перенявших традиции московского «кормления», из помещиков, мало ушедших от идеалов и понятий г-жи Простаковой, из Фамусовых, Скалозубов, Молчалиных. Для всего этого люда патриотизм Грибоедова и Белинского был не только ненавистен, но даже просто-напросто непонятен. Даже отвлечшись от каких бы то ни было корыстных целей угождения Аракчеевым и Магницким, они все-таки никак не могли бы себе представить благо родины помимо ратного счастья, приумножении территориальных владений, влияния в международных делах и вообще блеска во всех его проявлениях. Общий уровень веса не поднялся еще до понимания блага родины в виде освобождения крестьян, ослабления бюрократизма, уменьшения народных тягостей. Но эти люди затеяли дворцовый переворот, не имевший корней в народе и eo ipso осужденный на неудачу. Они быстро сходят с арены русской общественной жизни, и в ней устанавливается еще большая тишь да гладь да Божья благодать, чем прежде. Казенный патриотизм, благодаря катастрофе 14 декабря, еще более усиливается, а мутные элементы общественной жизни совсем уже входят в роль спасителей отечества и задают тон, идти против которого даже опасно. Достаточно вспомнить, что критика Полевого на драму Кукольника («Рука Всевышнего отечество спасла»), понравившуюся в «сферах», повела за собой закрытие журнала, издававшегося Полевым; что Чаадаев пострадал за напечатание своих философско-исторических воззрений, ничего противозаконного в себе не заключавших, но не согласных с официальными понятиями о характере русской истории.

Сделанный только что краткий очерк превращения национально-освободительного движения начала нынешнего столетия в казенно-патриотическое необходим нам для понимания деятельности того писателя, биографией которого мы намерены здесь заняться. Дело в том, что основной чертой литературной деятельности Лажечникова на первый взгляд нельзя не при-

знать этот внешний патриотизм, который нам, выросшим на патриотизме Белинского, Некрасова, Щедрина, не может быть особенно симпатичен. То же самое узкое представление о любви к родине, которое нам так не по сердцу в патриотизме славянофильства аксаковской школы, как будто есть подкладка наиболее прошумевших романов Лажечникова.

И тем не менее великий подвижник правды, яростный гонитель казенного патриотизма и вообще страстный враг всего фальшивого и показного, – Белинский принадлежал к числу самых пламенных поклонников Лажечникова.

Как же это согласовать?

Разгадка лежит в необыкновенной нравственной чистоте и искренности натуры Лажечникова, которая не дала ему погрузиться в тину греко-булгаринского патриотизма, а, напротив того, придала страсть и обаятельность даже тем тенденциям его, с которыми не можешь вполне согласиться. Выросши в эпоху наиболее пышного расцвета внешнего патриотизма, вращаясь в продолжение наиболее впечатлительного периода жизни в том кругу, который, уже по роду своих занятий, только внешним образом мог понимать любовь к родине, – именно в среде военной; наконец, горячий участник борьбы 12-го года, когда действительно от всякого хорошего сына отечества только и требовалась одна примитивная, чисто внешняя оборона родной страны; выросши при таких условиях, крайне впечатлительный Лажечников не мог не поддаться в значительной степени внешне-патриотическому направлению своей эпохи. Что касается периода, когда возбуждение отечественной войны улеглось, то будь у Лажечникова натура почерствее, покорыстнее, почестолюбивее, он, нет сомнения, был бы нам столь же несимпатичен в своей деятельности, как и все остальные палadini казенного патриотизма, которые, утративши пыл, создаваемый опьянением военного времени, продолжали все-таки ратоборствовать все в том же направлении, но уже, конечно, из-за мотивов, всего менее имеющих связь с любовью к родине. У Лажечникова никогда таких мотивов не было. Если патриотизм его отчасти внешний, то источник его все-таки искренняя и глубокая любовь к родине, не имеющая ввиду никакого одобрения, никакого поощрения, никакого креста и местечка. И оттого-то он так неотразимо действовал на чуткого ко всему искреннему Белинского, оттого-то он производит впечатление и теперь. Читая многие страницы «Последнего Новика», «Ледяного дома», вы не соглашаетесь с автором, находите неестественным, преувеличенным патриотизм некоторых героев, но вы все-таки ясно чувствуете, что автор сам страстно верит во все то, что он изображает и проповедует, и вы вполне примиряетесь с ним. Чудесная натура Лажечникова спасла его от всех несимпатичных сторон казенно-патриотического направления, скрасила его огнем веры и убеждения.

Но что всего важнее – искренность и честность натуры не дали Лажечникову застыть раз навсегда в тех взглядах и убеждениях, которые он себе усвоил в молодости, благодаря сложившимся известным образом обстоятельствам. Так как прежде всего Лажечникову дорога была правда, то среда никогда не могла заесть его до того, чтобы в угоду каким бы то ни было тенденциям закрывать глаза на истину. Если в программу казенного патриотизма входило довольство крепостным правом, то искренность и прямота натуры Лажечникова были все-таки настолько в нем сильны, чтобы заставить его возненавидеть рабство; насколько он мог по своему служебному положению и цензурным условиям того времени, Лажечников всегда восставал в своих произведениях против крепостного права. Если в программу казенного патриотизма входило полное повиновение и содействие предначертаниям мудрого начальства, то Лажечникову, однако же, это не помешало значительно уклоняться от такого правила, когда он находил это нужным. Служа под начальством Магницкого, Лажечников не унился, однако же, до содействия этому всемогущему человеку; поступив, для прокормления семьи, в цензора, Лажечников страшно страдал от всякой сделанной им пометки, хотя был он цензором тотчас же после крымской войны, когда правительство ничуть не стесняло печать и не вменяло цензорам в обязанность усиленно чиркать и марать; пробыв в этой должности года два, он благо-

словлял тот день, когда ему можно было ее оставить. Благодаря всему этому, и преуспел так мало Лажечников на службе, несмотря на свою всероссийскую славу и на то, что он лично был известен царствующим особам. Оттого же он, в период аренд и пенсий, завещал своему семейству 2 выигрышных билета. Наконец, если в программу казенного патриотизма входило полное презрение к беспокойным людям, то это ничуть, однако же, не мешало Лажечникову от души уважать всякое честное слово, от кого бы оно ни исходило, и даже в значительной степени поддаваться действию его. Отсюда близкие отношения, которые существовали между Лажечниковым и Белинским, и глубокое уважение, которое Лажечников до конца дней своих питал к Белинскому, хотя, собственно говоря, они находились в разных лагерях. Отсюда чуткость Лажечникова ко всему молодому, свежому и честному. На пятидесятилетнем юбилее литературной деятельности Лажечникова сообщалось, что маститый старец с живейшим интересом и благоволением посвящает все свое время на чтение новейших журналов. Факт этот очень характерен для восьмидесятисемилетнего старика, сформировавшего свое мирозерцание во времена Аракчеева. Много ли вы найдете между деятелями прошлого таких, которые считали бы нужным следить за ходом новейшей мысли, которые не брюзжали бы на новое поколение, на новые времена, причем это брюзжание всегда имеет источником чисто личное раздражение, вызванное сменой старых богов новыми. Лажечников никогда не брюзжал на новые времена, *хотя сам же жаловался, что его забыли*. Напротив того, прежде всего любя истину, Лажечников всегда преклонялся перед ростом русской гражданственности, привившим русской жизни множество гуманитарных идей; чуткая к добру душа его не могла не видеть великих преимуществ новой русской жизни перед старой, и никакие личные чувства не в состоянии были удержать его от признания этого. Таким образом чрезвычайная порядочность природы явилась коррективом той несимпатичной узости, к которой привел бы Лажечникова всякий другой нравственный склад. Вот те две отправные точки, с которых следует приступить к рассмотрению деятельности Лажечникова. Искренний, пламенный, хотя и внешний патриотизм и чрезвычайная мягкость, поэтичность и искренность природы – вот те две основные черты умственной и душевной физиономии Лажечникова, которые вполне нам выясняют творческую личность автора «Ледяного дома».

I

Иван Иванович Лажечников родился 14 сентября 1792 г. (а не в 1794 г., как полагали до сих пор библиографы) в городе Коломне Московской губернии. Отец его был коммерции советник и один из богатейших коломенских купцов, ведший обширную торговлю хлебом и солью. Последний промысел был наследственный в семье Лажечниковых, им занимался род Лажечниковых с давних времен. Знаменитый романист, следовательно, был происхождения чисто купеческого – явление довольно редкое среди писателей того времени, в огромном большинстве случаев имевших более или менее длинный ряд «благородных» предков. И если принять во внимание, что «благородство» всегда сопровождалось рабовладельчеством, то будет ли с нашей стороны очень смелой гипотезой предположить, что именно купеческое происхождение, т. е. отсутствие в доме крепостных слуг, которых можно было бы дуть и таскать за волосы за всякую провинность, в значительной степени влияло на молодого Лажечникова, и без того одаренного от природы редкой мягкостью характера.

Несомненно, однако же, что, представляя собой семейство Лажечниковых обычный тип купеческих семейств, это едва ли можно было бы назвать более благоприятными условиями для развития характера будущего писателя, нежели происхождение дворянское, хотя бы и обставленное всеми гнусностями крепостного права. Если еще в наше время купечество представляет собой поистине «темное царство», то можно себе вообразить, что являло собой какое-нибудь коломенское купечество в конце прошлого столетия. В «Беленьких, черненьких и сереньких» и в романе «Немного лет назад» – двух произведениях Лажечникова, главным образом представляющих собой воспоминания автора о своем детстве, мы видим, что такое была коломенская купеческая среда: обман самого примитивного свойства, душевная и телесная грубость, чисто животное препровождение времени и мрак самого непроходимого невежества – картина знакомая.

Но семья Лажечникова, главным образом отец его, составляла резкое исключение как с внешней стороны, так и с внутренней. Самые богатые коломенские купцы, как и внешнее провинциальное купечество, жили скаредно, одевались по-мещански, в полдень «ели редьку, хлебали деревянными или оловянными ложками щи, на которых плавало по вершку сала, и уписывали гречневую кашу пополам с маслом» («Беленькие, черненькие и серенькие»). Единственная роскошь, которую себе позволяли коломенские коммерсанты, было спать до одурения. «После обеда, вместо кейфа, они беседовали немного с высшими силами, то есть пускали к небу из воронки рта струи воздуха, потом погружались в сон праведных. Выбравшись из-под тулупа и с лона трехэтажных перин, а иногда с войлока на огненной лежанке, будто из банного пара, в несколько приемов осушали по жбану пива, только что принесенного со льда; опять кейфовали, немного погодя принимались за самовар в бочонок, потом за ужин с редькой, щами и кашей и опять утопали в лоне трехэтажных перин». «Как видите, жизнь патриархальная! – резюмирует Лажечников. – Немногие избранники отступали от нее. Книжки в доме ни одной, разве какой-нибудь отщепенец-сынок, от которого родители не ожидали проку, тайком от них, где-нибудь на сеннике, теребил по складам песенник или сказки про Илью Муромца и Бову Королевича».

Отец Лажечникова был один из «немногих», решительно отступивших от этой «патриархальной» жизни.

Получив после смерти отца своего богатое наследство, он построил себе превосходный дом, поражающий своим внутренним и внешним великолепием.

«Дом этот славился роскошью своего убранства, – пишет Лажечников в одном месте своих воспоминаний о двенадцатом годе («Новобранец 12-го года»), – везде паркетные из крас-

ного, черного, пальмового дерева, мрамор, штоф... В нем отец мой угощал великолепных сынов кончавшегося века

...из стаи славной
Екатерининских орлов.

И угощал великолепно, не ударял лицом в грязь перед важными господами, не брезгавшими водить хлеб-соль с купцом. Он жил вообще как богатые дворяне того времени. И чтобы совсем походить на них, он купил себе даже поместье в 23 верстах от Коломны – Красное Сельцо. Поместье это было куплено на имя хорошего приятеля Лажечникова, московского губернатора Обрезкова; на чужое имя, как мы полагаем, потому, что купцам в то время было воспрещено покупать населенные имения. «Во время цветущего положения дел» отца Ивана Ивановича Лажечникова, сообщается в автобиографии, читанной Ф. Ливановым на пятидесятилетнем юбилее нашего романиста, «Красное Сельцо было настоящим Эльдорадо того времени. Туда стекались дворяне уезда на приманку вкусных обедов с аршинными стерлядями, пойманными в собственных прудах, и двухфунтовыми грушами, только что сорванными в своих оранжереях. Все это приправляли радушие, ум, любезность хозяина и красота хозяйки, истовой красавицы своего времени. Офицеры Екатеринославского кирасирского полка, стоявшего в окрестности, толпились каждый день у гостеприимного амфитриона. Трехэтажный дом и такой же флигель не могли вместить на сон грядущий посетителей. Губернаторы, ездившие ревизовать губернию, делали несколько верст крюку по проселочной дороге, чтобы откупать хлеба-соли у радушного помещика-купца. Порядочный оркестр домашних музыкантов во время обедов услаждал слух гостей увертюрами из тогдашних модных опер».

Вот какова внешняя обстановка детства Лажечникова. Влияние ее было бы, конечно, весьма мало благотворно для Лажечникова, если бы только одним этим внешним блеском и житьем на широкою, барскую ногу отец его выделялся из коломенской купеческой среды. Нельзя, впрочем, отрицать и того, что отсутствие материальных забот, отсутствие нужды, вид довольных, веселых гостей, наполнявших отцовский дом, не мог укрепить природной незлобивости будущего творца идеально-добрых фигур «Новика», «Ледяного дома», «Басурмана» и др.

Но, помимо этой стороны роскошной жизни отца Лажечникова, он, как уже сказано только что, не одним пристрастием к дворянской жизни выделялся из круга людей своего сословия. Еще в большей степени он выделялся из них своим горячим стремлением к образованию. Выводя своего отца в «Беленьких, черненьких и сереньких» под именем Максима Ильича Пшеницына, Лажечников об нем сообщает следующее: «Максим Ильич имел врожденное стремление к образованию себя. Случай развил еще более эту склонность. В одну из частых поездок своих в разные пределы России, которые он всякий год совершал по торговым делам, познакомился он где-то с Новиковым. Новиков полюбил молодого человека, беседовал с ним часто о благах, доставляемых просвещением, и снабдил его списком всех книг и журналов, какие только были изданы на русском языке. Максим Ильич не замедлил купить эти книги и читал их с жадностью».

В другом наполовину автобиографическом романе Лажечникова, «Немного лет назад», в котором отдельные черты жизни родительского дома переданы недословно точно, но в котором, однако, верно передан общий дух той обстановки, среди которой вырос Лажечников, отец его, выведенный под именем Патокина, опять-таки изображается страстным приверженцем образования.

Все это вполне подтверждается тем тщательным воспитанием, которое было дано молодому Ване. Вещь неслыханная в купеческой среде – ему был нанят гувернер-француз, и притом не какой-нибудь, – для того чтобы сравниться с дворянами и научить сынка болтать по-фран-

цузски, чтобы в грязь не ударял он перед барчуками, – а прекрасный воспитатель, взятый по надежной рекомендации такого человека, как Новиков. Выбор знаменитого деятеля оказался прекрасным.

«Я учился, – сообщает Лажечников в той автобиографии, о которой уже сказано выше, – сначала русской грамоте у священника. Когда мне минуло 6 лет, взяли к нам в дом гувернера Monsieur Beaulieu, французского эмигранта, не походившего на своих собратьев-проходимцев. Он получил образование в Страсбургском университете, знал основательно французский и немецкий языки, на русском изъяснялся чисто, но ученым нельзя было его назвать. К нам в дом поступил он, кончив воспитание детей в доме князей Оболенских, по рекомендации знаменитого подвижника русского просвещения в России – Новикова, которому, сколько могу сообразить, был брат по масонству. Всегда неукоризненно одетый во французский кафтан коричневого цвета, с косой и бантом за плечами, являлся он к общему столу и учению. Манеры его были просты, но изобличали в нем дворянина дореспубликанских времен, доброту, не доходившую, однако ж, до слабости. Старший брат мой, учившись у него, любил его, как второго отца. Память о нем до сих пор с глубокой благодарностью сохраняется в сердце моем. Никогда не видал я над собой розог, и все наказание учебное ограничивалось у нас ставлением за обедом в угол, каковое наказание огорчало меня *до обильных слез*».

К этой характеристике Болье можно прибавить еще несколько слов из другой автобиографии Лажечникова (составленной им в 1858 г. для «Художественного листка» Тимма), из собрания рукописей Публичной библиотеки. В автобиографии, читанной Ливановым, Лажечников несколько критически говорит про Болье: «...но ученым нельзя было его назвать». В автобиографии же Публичной библиотеки Лажечников, говоря о себе в третьем лице, пишет: «...с 6-ти лет имел он наставником француза, очень образованного, у которого учился французскому и немецкому языкам, разным наукам и рисованию». Последняя характеристика, несомненно, вернее, и потому, что сделана Лажечниковым раньше, когда память была у него свежее, и потому, что вполне соответствует тому раннему развитию и сравнительно очень большому образованию, которое проявляет Лажечников уже на 15-м году своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.